

УДК: 811.16'367.6
81:929 Белић А.
DOI: https://doi.org/10.18485/belic_slv.2017.2.ch7

П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов

РЕФЕРАТ АЛЕКСАНДРА БЕЛИЋА НА ЛЕЊИНГРАДСКОМ
СЛАВИСТИЧКОМ НАУЧНОМ САСТАНКУ 1946. Г.

До првог међународног сусрета најистакнутијих филолога-слависта после великог отаџбинског рата дошло је на Лењинградском славистичком научном састанку, који је организовао Филолошки факултет Лењинградског универзитета од 15. јуна до 4. јула 1946. г. Совјетску славистику су на том састанку представљали научници из Москве, Лењинграда, Казања, Харкова, Тартуа, Риге, Петрозаводска и других научних центара. Учесници Састанка били су такви научници као што је академик АН СССР Ј. В. Тарле, дописни члан АН СССР Д. К. Зелењин, професори М. П. Алексејев, Б. А. Ларин, П. Г. Богатирев, А. В. Претеченски, К. А. Копержински, С. С. Советов, В. Г. Чернобајев, В. В. Мавродин, Е. А. Јакубинска и др. 29. јуна је ради учешћа у раду Научног састанка стигла у Лењинград група иностраних научника и гостију: представници амбасада и научници из Југославије, Чехословачке, Пољске и Бугарске. Међу пристиглима били су и председник Српске академије наука проф. А. Белић, научни секретар Чешке академије наука проф. Б. Хавранек, професор Прашког универзитета Ф. Волман, ректор Краковског универзитета проф. Т. Лер-Сплавински, професор Љубљанског универзитета Ф. Рамовш и др. Састанак је требало да послужи као подстицај за развој научног рада у области славистике у СССР-у и другим земљама, да допринесе успостављању стваралачких контаката међу научницима-славистима, да истакне неодложне проблеме за истраживања у области језичких и књижевних односа. Организатори Састанка полазили су од тога да само теоријска дубина при постављању научних проблема, развијање проблематике славистичких изучавања у сагласности с новим задацима савремених питања науке, усаглашеност и срећеност при њиховом решавању могу довести до новог напретка научне мисли и широког дијапазона научно-истраживачког и педагошког рада у области славистике. Широки састав, учешће најистакнутијих совјетских и страних научника у раду

Састанка, актуелност разматраних теоријских и практичних питања, све је то допринело његовом великом друштвеном значају, значају првог послератног свесловенског конгреса научника.

Професор Александар Белић био је један од најактивнијих учесника Састанка. 1. јула 1946. г. поднео је на пленарном заседању реферат „О врстама речи”. Као што је било објављено, реферат је био посвећен кратком приказу основних поставки већег рада, који је А. Белић завршио после Састанка. По сведочењу учесника Састанка „за многобројну присутну публику од интереса су били како теоријски проблеми дотакнути у реферату, тако и његов уводни део, у коме је аутор много говорио о светском значају радова руских научника-лингвиста”.¹

Реферат је био прочитан на руском језику. Пошто прихваћена одлука о издавању „Радова Славистичког научног састанка” није реализована, реферат није штампан. Текст овог реферата који се овде публикује припремљен је на основу стенограма (на жалост, неауторизованог) и других материјала Састанка, који се чувају у Државном архиву октобарске револуције и социјалистичке изградње у Лењинграду (*ф. 7240, оп. 14, ед. хр. 1146*) и на Катедри за словенску филологију Лењинградског универзитета.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ НАУЧНОЙ СЕССИИ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ
В ЛЕНИНГРАДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ 1. VII. 1946 Г.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ – РЕКТОР УНИВЕРСИТЕТА
ПРОФ. А. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Доклад президента Сербской академии наук
проф. А. Белича на тему „Части речи”.

Товарищи! Мое сегодняшнее выступление должно было быть дружеской беседой, и я боюсь, что этот торжественный зал, эта кафедра и многочисленная публика отнимут у него этот характер, не придадут ему того характера, который бы лучше соответствовал обстановке. Но тем не менее я начну свой короткий доклад.

¹ М. А., Научная сессия по славяноведению. – Вестник Ленинградского университета, 1946, No 2, с. 133.

Раньше, чем начать изложение, я вас прошу позволить мне с этой кафедры вспомнить о тех людях, у которых я в Москве и тут в Ленинграде учился, с которыми мне приходилось жить долгое время, работать, но которых, увы, между живыми нет.

На первом месте я вспоминаю своего учителя Филиппа Федоровича Фортунатова, одного из самых выдающихся представителей общего языкознания того время, когда я начинал учиться.

Потом я вспоминаю о Федоре Евгеньевиче Корше, очень известном ученом, который, правда, в своих трудах не оставил очень больших результатов, но для людей того времени имел огромное значение своими познаниями, своим критицизмом, своим остроумием.

Потом позвольте мне вспомнить об Алексее Александровиче Шахматове, которого вы недавно славили, как о человеке, который несомненно является гениальным исследователем русского языка.

Я вспоминаю также об Иване Александровиче Бодуэне де Куртенэ, который много лет был профессором Петербургского университета. Он был прекрасным человеком, который своими взглядами как бы соединял прошлое с будущим, подходя к будущему ближе, чем, может быть, другие исследователи его времени.

Потом я вспоминаю о Вячеславе Николаевиче Щепкине, известном исследователе, очень тонком исследователе церковнославянского и болгарского языка; о Викторе Карловиче Поржезинском – профессоре Московского университета, который много сделал для развития взглядов своего учителя Филиппа Федоровича Фортунатова.

Потом позвольте мне вспомнить о Петре Алексеевиче Лаврове, человеке, который обладал обширными познаниями, который был, быть может, лучшим чем кто-либо из тех, кто после смерти Павла Йосефа Шафарика занимался славянскими древностями.

Потом я вспоминаю о своем московском учителе Романе Федоровиче Брандте и Всеволоде Федоровиче Миллере. Без их работ, без их трудов наша сегодняшняя работа была бы невысказана.

Быть может, вы спросите меня, почему я решил делать доклад о частях речи? Ведь всем известно, что такое части речи. На это я вам отвечу: потому что мне кажется, что на основании разбора частей речи будет ясен смысл нашей работы, будут ясны ее приемы, а отчасти, может быть, и результаты.

Я поясню это несколькими словами. Всем известно, что языкознание до недавнего времени было исторической наукой, т. е. занималось исследованием изменения форм языка. Это происходило потому, что языкознание второй половины XIX в. и начала XX в. интересовалось,

главным образом, формами языка, проявлением внешней стороны языка. Языкознание того времени не интересовала жизнь языка, как мы ее теперь понимаем, т.е. как совокупность всех моментов, которые участвуют в словообразовании и формообразовании, в значении языка, употреблении слов в языке и т.д.

Мы расширили старую задачу. Нас интересует не только форма языка, которая постоянно изменяется и которая так различна на различных этапах, но также и то, что сближает языки, что является их общей, совместной, единой внутренней формой. Другими словами, нас интересует духовная, или, как говорят, „психологическая” сторона языка. Это те обобщения, которые налицо во всех фактах языка, функциональная сторона языка и все то, что из этого вытекает. Потом, так называемая структурная сторона языка, т.е. все то, что находится в связи с типом языка. Кроме этих моментов мы обращаем внимание на семантическую сторону языка, т.е. на значение формы языка и все то, что с ним находится в связи. Наконец, мы все прекрасно знаем, что язык постоянно развивается, что ежеминутно совершается так называемая реализация или актуализация языка.

Мы знаем, что у языка вообще общие формы. Возьмем любое существительное, например „дом”. В нашем сознании „дом” представляет совокупность особенностей известного предмета, объединяемого с представлением дома. Но когда мы говорим, мы не говорим об этой абстракции, а говорим об известном доме. Это и называется актуализацией, актуализацией языка. Таким образом, все слова языка находятся в нашем сознании в обобщенных формах. Они при употреблении языка получают новые особенности. Каждое новое положение, каждая новая связь одних фактов языка с другими дает возможность словам получать новые особенности. И вот в эти новые формы слова ложатся в нашем сознании готовыми. Можно воспользоваться теми нюансами, которые были получены впоследствии. Таким образом, все слова – известного рода странники, которые постоянно употребляясь в предложениях, получают новые значения и потом с этим новым значением, новыми нюансами остаются в нашем сознании для дальнейшего путешествия.

Из этого вытекает, что значение слова постоянно меняется. В зависимости от этого меняются и части речи. Всем известно, например, что в китайском языке имеются, главным образом, существительные и вспомогательные, так называемые, пустые слова. И тем не менее, китайский язык, может выразить все то, что мы можем выразить на своих языках. Значит, части речи условные, части речи не представляют всех возможностей языка. Несмотря на то, что в китайском языке имеются только

существительные, по-китайски можно выразить и то, что у нас называется глаголом, прилагательным, и т.д. Все это уже показывает, что сами по себе части речи не имеют никакой устойчивости. Вам, может быть, известно, что в некоторых языках имеется не больше четырех категорий частей речи и опять таки и на этих языках можно сказать все то, что мы можем сказать с нашими девятью или десятью категориями.

И вот вопрос: что такое части речи? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы сделаем небольшой анализ. В часле критериев, которыми мы пользуемся, на первом месте находится функция слова, затем – значение слова, и, наконец, – формы слова (относительно которых мы увидим, что они находятся в зависимости от значения и функции слова). Но кроме этого есть и другие моменты, которые принимаются в расчет при изучении, скажу просто, природы слова. Мы, например, привыкли изучать особенности слов в предложении. Это верно, потому что все наши слова выступают в предложении. Но предложения не представляют совокупности всех возможностей языка. И вот вопрос: можно ли употребить слова и вне предложения? Можно ли употребить так, чтобы они не теряли нисколько от своего значения, от своего смысла. Таким образом, и совокупность языка является одним из критериев определения природы слова. И вот, если мы пользуемся этим критерием, т.е. совокупностью всех возможных употреблений слов в языке, мы увидим, что слова могут быть самостоятельными, т.е. известные слова можно отдельно употребить так, что они не теряют нисколько от своего смысла, и у слушателей вызывают представление о том значении, которое мы, произнося их, желаем в них выразить. Это – существительные. Любое существительное, например, „человек”, „дерево”, „дом”, „лошадь”. Когда мы их произносим, то у нас является полностью представление предмета, который этими словами обозначен. Кроме существительного, нет больше таких слов. Все остальные слова являются несамостоятельными словами. Это уже было отмечено некоторыми философами, хотя они в дальнейшем этим различием не пользовались при исследовании языка.

Один из философов языка, известный лингвист Марти, отмечал, что одна часть слова является, как он говорит, автосемантической, а другая – синсемантической, т.е. первые имеют значение сами по себе, вторые же без других слов настоящего значения не имеют. С одной стороны мы имеем существительные, с другой стороны – все остальные категории слов. Я думаю, что нет необходимости показывать все это на примерах. Возьму только одно прилагательное и один глагол. Любое прилагательное, например, „белый” уже своей формой показывает, что его отделили от существительного мужского рода. „Белый” само по себе не имеет

настоящего значения, т.к. не указывает, какой предмет мужского рода является белым, определяется как белый. Значит, оно нуждается в своем существительном. Или значение любого глагола, например „писать” („он пишет”). Этот глагол обозначает известную особенность, которая в данную минуту, в данное время приписывается известному предмету, т.е. третьему лицу – „он пишет”. И всегда так. Глагол вообще в наших языках появляется только в реализованной форме. У нас нет глагола в чистой форме: он – или существительное, или – целое предложение, или представляет прилагательное, причастие.

Уже этот первый критерий дает нам возможность разделить все слова на две группы: на группу самостоятельных слов и группу несамостоятельных слов. Каждое существительное является самостоятельным, т.е. самостоятельная функция дает представление о существительном. Другими словами, если мы воспользуемся любой категорией, например, прилагательным, и поставим его в положение самостоятельного, оно тотчас превратится в существительное. То же самое относится и к глаголам, и ко всем другим словам. Как только слово употребляется самостоятельно, получает функцию самостоятельности, оно может получить и форму существительного.

Возьмем слово „больной”. Это значит, что человек болен. Всегда, когда прилагательные употребляются самостоятельно, они превращаются в существительные и могут сохранять форму прилагательного еще долгое время, несмотря на то, что выполняют функцию существительных. Это показывает, что любая форма словоизменения может быть приурочена к любой категории. Конечно, потом это выравнивается. Со временем такие существительные могут получить и форму существительных.

Если мы теперь обратимся к другим критериям и остановимся на существительных, то тут мы увидим и другие черты природы существительных. Возьмем, скажем, существительные „дом” и „рука” или другие, обозначающие предмет известного рода. Слово „дом” обозначением, как мы сказали, совокупность всех особенностей известного предмета, связанных с представлением дома. Существительное „дом” является немотивированным и этимологии слова „дом” на основании нашего современного языка мы не знаем. Мы знаем, что дом – это предмет известного рода, но почему этот комплекс звуков обозначает дом, а не что-нибудь другое, этого мы не знаем. Это значит, что наш язык не мотивирует, не показывает, почему именно употреблены те звуки для обозначения дома, а не другие. Это во-первых. Во-вторых, по типу слова „дом” нельзя образовать никакого другого слова. Это слово не может служить образцом. Это слово непродуктивно. Значит, оно немотивированное и

непродуктивное с точки зрения современного языка (конечно, мы знаем этимологию слова „дом” и знаем, что оно находится в связи с греческим словом со значением „построить”). „Дом” обозначает постройку, но это не любая постройка, а постройка известного рода, которая имеет массу специальных особенностей. И вот все настоящие или первичные слова категории существительных имеют такой характер. Они требуют мотивации, т.е. они немотивированны и непродуктивны.

Возьму другой пример – „рука”. Мы все знаем, что существительное „рука” представляет собой отглагольное существительное. Был когда-то в славянском языке глагол, который мы находим в литовском языке и ныне в значении „собирать”. Рука была инструментом для собирания. Но с течением времени это представление осложнилось, получило массу других обязанностей от этого предмета и отделилось от глагола, от которого оно происходит.

Таким образом, настоящие представители слов известной категории разрывают связи с теми категориями, откуда они произошли, становятся тем самым немотивированными и, благодаря этому, они непродуктивны. Я затрудняюсь назвать эту категорию настоящим именем. В своем труде, который написан на сербском языке, я назвал их прилагательным „прави”, что соответствует русскому прилагательному „настоящий”. Но „настоящий” имеет несколько иной смысл, так что я затрудняюсь назвать эту категорию, а называю эти слова пленарными, первичными, основными словами данной категории.

Есть еще и другая, более богатая категория существительных, которые находятся в связи с другими категориями слов и произошли или от глагола, или от прилагательного. Таких существительных много. Они являются мотивированными и продуктивными. Возьмите слово „родитель”. Оно находится в связи с глаголом „родить”. Это существительное, находясь в связи с другой категорией, дает возможность на основе этого значения создавать новые слова. И как известно, таких слов много. Вот эти существительные производные или ненастоящие представляют особую категорию.

Первичные или основные представители категории есть во всех категориях слов. Имеются они и у прилагательных, и у глаголов и т.д. Всегда имеется одна категория основных, настоящих слов данной категории и другая категория – производные, новые слова, которые находятся в зависимости, которые находятся в связи с другими категориями.

Что происходит далее? Совершается постоянный процесс перехода слов из производных в слова непроизводные. Вы видели, что „рука” и „дом” по происхождению производные слова. Они стали непроизводными не только потому, что утрачен в славянском языке глагол „демо” или гла-

гол „ренку”, а потому что представление этих предметов получили массу особенностей, которые повлияли на разрыв связей с теми словами, от которых слово „рука” и слово „дом” ведут свое происхождение.

Я сказал, что то же самое имеется у прилагательных. Если мы возьмем прилагательные типа „желтый”, „полный” и т.д., обозначающие известного рода особенности, ясно, что эти прилагательные непродуктивны; они являются основными словами в своей категории (белый, желтый, черный, розовый). Конечно, другие категории могут позаимствовать известное слово из категории прилагательных для того, чтобы расширить свою категорию. И, вместе с тем, имеется категория продуктивных прилагательных. Это – категория, находящаяся в связи с другими категориями, например: „Ленинград”, „ленинградский” и т.д.

То же самое относится и к глаголам. Я сказал, что у нас нет глаголов в чистой форме. У нас имеются глаголы только в реализованной форме. Но есть в мире языки, в которых имеются глаголы в чистой форме и эта форма всегда представляет безвременное, т.е. не обозначающее времени причастие (например, семитский язык). В семитском языке мы имеем глагол в настоящей чистой форме. В семитском языке имеются глаголы с полным применением, т.е. не глаголы как предложение – личная глагольная форма „пишу”, „пишешь”; это полное предложение. Или же „писан”, „написан” – значит прилагательное. Или „писать” – по происхождению это определенное наклонение – существительное. Так что глагол представляет специальную категорию. Но, несмотря на это, мы и здесь имеем группу производных слова типа „могу”, „хочу” и т.д. и группу производных глаголов. Это, скажем, слова „болеть”, „делать”, „хвалить”, „образовать” и т.д. И здесь совершается постоянный переход из одной категории в другую, т.е. из категории первичной во вторичную, и из категории вторичной в первичную. Например, глагол „делать”. Это глагол от существительного „дело”. Первоначально это обозначало „совершать работу”, а потом начало обозначать „работать” как только это слово начало обозначать „работать”, оно стало глаголом настоящей категории, обозначающим какое-то действие. Это относится также и к наречиям, местоимениям, числительным.

Мне не хотелось бы слишком затягивать свой доклад и показывать это на всех категориях. Но я остановлюсь немного на функциях этих слов, а потом на их значении.

Я сказал, что функция слова вытекает из значения слова. Если слово обозначает прилагательное, его функция несамостоятельная, т.е. это слово определяющее другое, существительное, если наречие – его функция также определительная. Почему? Потому что наречие обозначает

время, место или способ, а глагол содержит в себе все эти моменты, т.е. глагол при своей реализации должен иметь известное место, на котором совершается действие, должен иметь обозначение времени и способ исполнения и как только являются наречия, они определяют один из этих сопутствующих моментов глагола, т.е. определяют время или место действия. Это же самое относится к прилагательным. Прилагательное определяет только то, что содержится в существительном. Существительное содержит целую массу особенностей. Из этих особенностей выбираются известные и при посредстве их определяется существительное. Скажем, „большой дом”, „белый дом”, „красный дом” и т.д. Значит в представлении о доме все эти особенности могут быть. При посредстве этих особенностей существительное и определяется. Это всегда так бывает. Это внутреннее значение и внутренняя форма слова.

Если существительное определяет другое существительное, оно получает функцию прилагательного. Если прилагательное определяет способ действия, оно становится наречием. Каждое слово может иметь функцию всех других категорий, только, конечно, тогда многое из того, что содержало, теряется. Приведу один пример из английского языка. Слово „round” может обозначать круг, значит существительное; „round” может быть глаголом, „round” может быть прилагательным, „round” может обозначать наречие – сюда и, наконец, „round” может быть предлогом. Одно и то же слово при различном употреблении, т.е. при различных функциях может дать вам 6 категорий, т.е. слово из 9 категорий может стать словом в 6 категориях.

В наших языках такие слова получают известного рода окончания, которыми будто бы определяется его функция. На самом деле функция этим не определяется. Этим функция только обозначается, ибо она находится в самой внутренней форме слова.

И вот, когда создается гармония между особенностями слова, т.е. гармония между функцией, значением и формой слова, тогда прерывается связь со всеми остальными категориями, и тогда единство этих четырех особенностей находится только в данном слове. Значит – стремление слова к полной автономии.

Обыкновенно предполагалось, что нужно поддерживать этимологическую связь между словами, а сам язык постоянно эту связь разрывает. Почему? Потому что таким образом получается большая ясность, потому что одно слово обозначает одно представление без влияния других представлений и тогда, конечно, оно является в высшей степени ясным.

Из этого ясно, что стилистика находится в связи с этой стороной языка. Ясность как стилистическая особенность появляется только тог-

да, когда в языке имеется это единство трех основных особенностей слова: функции, значения и формы.

Вот главные пункты, на которых я хотел сегодня остановить ваше внимание.

Можно было бы теперь пойти дальше и показать, что достаточно одной категории в языке для того, чтобы выразить все остальные, потому что все остальные категории зависят от функции слова. Если функция предикативная, она создает глагол, если функция субъектная, она создает существительное. Определительная функция по отношению к глаголу создает наречие. Можно говорить о местоимении и показать вам на основе природы местоимения, что местоимения находятся в связи и с существительными, и с прилагательными. Но по значению они отличаются от прилагательных, потому что прилагательные определяют те особенности, которые содержатся в значении существительного, а местоимениями существительное определяется на основании моментов вне самого существительного. Если мы скажем „этот человек”, мы указанием на место определяем человека (человек, который находится на этом месте). Если скажем „каждый человек”, значит мы человека определяем по отношению ко всем людям. Или, скажем, „такой дом”: этот дом мы сопоставляем с такими-то домами и указываем, что этот дом такой. Так что местоимения, хотя они по функции очень приближаются к прилагательным, по значению расходятся с ними.

Но функции различных категорий сильно изменились. Я указывал, что предметные категории, т.е. существительные в начальных языках представляют только самостоятельные слова. Если мы скажем „пение”. Это что такое? Это отвлеченное слово? Конечно. Но что значит пение? Это значит, что кто-то, где-то поет. Действие глагола совершается. А раз действие глагола совершается, оно совершается в связи с существительным. Или слово „белизна”. Это абстрактное слово. Это особенность всех белых предметов. Когда мы говорим об этой особенности у любого предмета, „белизна” – это так называемое „абстрактное” существительное не что иное, как общее существительное, не мыслительное, а обобщенное, отвлеченное из реализации, при предположении, что реализация совершается на любом предмете, на любом месте.

Как видите, если произвести такой анализ дальше, можно полагать, что все слова, все категории слов вытекают всегда из одного слова. Оно может быть категорией существительных, может быть категорией глаголов и может быть категорией прилагательных.

Я не буду входить в детали. Я только обращаю ваше внимание на то, что в науке имеются различные точки зрения. Некоторые исследователи

считают, что существительные появились в языке раньше, скажем, прилагательных и глаголов (например, Вундт и др.). Другие ученые предполагают, что сначала появились глаголы (школа Шухардта). Но, собственно говоря, это не имеет никакого значения. Раз мы можем получить все категории слова от одной категории при изменении функции этого слова – потому что после этого изменяется и его значение, – то совершенно безразлично, появилось ли первоначально слово как глагол или как существительное. Оно всегда дает возможность к тому, чтобы образовывались и все остальные слова. На этом я закончу. (Аплодисменты).

П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов

ДОКЛАД АЛЕКСАНДРА БЕЛИЧА В ЛЕНИНГРАДСКОЙ СЛАВИСТИЧЕСКОЙ СЕССИИ
УЧЕНЫХ В 1946. ГОДУ

Резюме

В этом научном труде опубликован в целостности текст доклада с темой „Части речи” который Александр Белич прочел в Ленинградской славистической сессии ученых 1 июля в 1946 году. Этот доклад репродуцирован по стенограммы которая сохранилась в Ленинграде.